

К. М. Карасева

**МАКРООБРАЗ ЛЕСА В ТЕТРАЛОГИИ Ф. А. АБРАМОВА
«ПРЯСЛИНЫ»: МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ**

В статье рассматривается вопрос о смысловой наполненности одного из древнейших образов в мировой литературе — леса в рамках тетралогии Ф. Абрамова «Пряслины». В качестве отдельных аспектов в тетралогии «Пряслины» выступают характерные для мифологической традиции мотив леса как «храма Природы», напоминающий о священных рощах древних германцев, мотив леса как священного места, где совершались обряды инициации. Мотив леса как «храма Природы» реализуется в тетралогии «Пряслины» в повторяемом и варьируемом образе лиственницы, посредством неоднократно отмечаемых на уровне поэтики символов сакральности.

Собственно мотив леса как священного места, где совершались обряды инициации, не представлен в тетралогии Ф. Абрамова «Пряслины». Однако можно усматривать в решении этого вопроса отголоски традиции репрезентации леса как «священного места», где совершались обряды инициации.

Ключевые слова: мифология, лес, мотив, лиственница, древо жизни, сакральность, обряды инициации.

К. Karasyova

**MACRO-IMAGE OF THE FOREST IN F. A. ABRAMOV'S TETRALOGY
«PRYASLINY»: A MYTHOLOGICAL CONTEXT**

The issue of semantic fullness of one of the oldest images in the world literature – the forest – is considered in the context of F. A. Abramov's tetralogy «Pryasliny». The typical motives for mythological tradition – the motive of the forest as «the Temple of Nature», reminding of the sacred groves of ancient Germans, the motive of the forest as a sacred place where initiation rites took place – appear as individual aspects in tetralogy «Pryasliny». The motive of the forest as «the Temple of Nature» is realized in tetralogy «Pryasliny» in the continuous and varying image of a larch, repeatedly noted on the poetical level by means of symbols of sacrality.

In fact, the motive of the forest as a sacred place where initiation rites took place is not presented in F. Abramov's tetralogy «Pryasliny». However, the echo of this tradition of representation of the forest as a sacred place where initiation rites took place may be traced in the solution of this question.

Keywords: mythology, forest, motive, larch, tree of life, sacrality, initiation rites (the rites of initiation).

Образ леса выступает в качестве культурологической константы русского самосознания, в качестве символа русской ментальности. В структуре национальной картины мира русского человека этот образ представлен на всех уровнях. Однако каждый раз он воссоздается в той или иной ипостаси: с одной стороны, лес — это храм для души и тела, с другой — лес «вызывает» на поединок, в котором дол-

жен быть выявлен победитель и побежденный.

В тетралогии Ф. Абрамова «Пряслины» повествуется о жизни северного русского крестьянства в архангельской деревне Пекашино. Пекашинцы как истые северяне непонаслышке знают о лесе: «Зимой, засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, пинежские деревни мало чем отличаются друг от друга. <...> Целые по-

коления пекашинцев, ни зимой, ни летом не расставаясь с топором, вырубали, выжигали леса, делали расчистки, заводили скудные, песчаные да каменистые, пашни» [1, с. 7]. Издавна на Севере «жизнь уходила из деревни в леса... на всю зиму», поскольку «...нельзя северянину прожить без леса» [1, с. 276]. Лес — это не только источник тепла, пищи, но и враждебная человеку сила: «От леса кормились, лесом обогривались, но лес же был и первый враг. Всю жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обрушивался гибельными пожарами, пугал зверем и всякой нечистью» [1, с. 8].

Существенная роль леса в крестьянском быту неоспорима: это важное укрытие, источник тепла, пищи, сырье для изготовления различных изделий и, наконец, материал для строительства жилья. Дом для крестьянина — не просто жилое пространство, а локус всей его жизни [9, с. 11]. В Белов в книге «Лад» отмечал, что «родной дом, а в доме очаг и красный угол были средоточием хозяйственной жизни, центром всего крестьянского мира» [4, с. 138]. Следует отметить, что дом не ограничивается лишь семейным миром. Дом — это все Отечество [9, с. 12]. С этой точки зрения знаковой является фраза, произнесенная абрамовским героем Михаилом Пряслиным: «Россия из домов состоит... Да, из деревянных, люди которые рубили» [2, с. 401]. В ассоциативном плане Россия являет собой череду изб — деревянных крестьянских домов — с их неповторимыми запахами древесины, печного дыма. Иными словами, это «избяная» Россия, образ которой запечатлен в культурном сознании каждого русского.

Лес представляет собой органическое соединение деревьев с определенного вида кустарниками, травами. Дерево есть символ леса, т. е. пространства, покрытого деревьями. Образ дерева имеет большое значение в системе народного понимания. Оно

[дерево. — К. К.] почиталось как «свидетель вечности и бессмертия природного мира». В тетралогии Ф. Абрамова неоднократно упоминается лиственница: «Пекашино распознают по лиственнице — громадному зеленому дереву [подчеркнуто мной. — К. К.], царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов? Во всяком случае, по загуменью... еще и теперь попадают пни. Полуистлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни» [1, с. 119]. Особую смысловую нагрузку в структуре приведенного описания лиственницы несет информация о том, что это дерево, возможно, уцелело «...от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор...». Это своеобразный отсыл к древности. Лиственница могла быть «свидетелем», «соучастником» событий тех далеких времен. Кроме того, если обратить внимание на этимологию лексемы «древний» в значении «стародавний», «старейший», «вечный», то оно непосредственно связано с лексемой «дерево». Этимологический анализ этих лексем свидетельствует об их принадлежности к одному корневому гнезду [10, с. 5]. Иначе говоря, посредством образа лиственницы поддерживается идея сокровенности и незыблемости природного мира. Природа бессмертна, в отличие от человека — ее части.

Согласно мифологическим представлениям есть так называемая космическая ось, вокруг которой простирается мир. Этой осью может выступать дерево, что соответствует мифу о древе — столпе неба [9, с. 18]. Столп неба представляет собой не что иное, как ось мира, древо жизни, произрастающее в центре мира. Абрамовская лиственница — это метафора древа жизни: «Здесь-то лет тридцать с лишним назад в прохладном сумраке зеленой лиственницы и пустил свои корни Степан Андреевич»

[1, с. 21]. У древних славян существовало представление о «древе как элементе приобщения к миру предков [6, с. 39]. Данное представление было закреплено в самосознании русского человека и постепенно трансформировалось в символ. «Царственно возвышающаяся лиственница» у Ф. Абрамова — это образ-символ, воплощающий понятие исторической памяти.

Лес — один из древнейших образов в мировой литературе, пришедший из мифологии. Античная традиция «представляет образ леса как совокупность деревьев, лишённую ощущения единой и органической массы; здесь популярен мотив священной рощи». В Германии XVI в. характерными были образы леса как «храма Природы», подспудно напоминающие о «священных рощах» древних германцев» [7, с. 49].

Вообще «для мифологического сознания славян характерно последовательное сближение дерева и храма как священных мест, где совершались обряды» [3, с. 158–159]. На наш взгляд, в тетралогии Ф. А. Абрамова «Пряслины» локализован мотив леса как «храма Природы». Указанный мотив реализуется, в частности, в повторяемом и варьируемом образе лиственницы.

В мифологическом сознании славян лес населялся различного рода божествами и духами. Считалось, что деревья — это души умерших людей, рубить некоторые породы деревьев, носивших звание священных [подчеркнуто мной. — К. К.], было смертным грехом. Принимая во внимание данный факт, отмечаем, что «царственно возвышающаяся лиственница» у Ф. Абрамова может быть отнесена к категории священных деревьев. Данное утверждение вытекает из обозначенного выше положения о лиственнице в тетралогии «Пряслины» как метафоре древа жизни.

Как уже отмечалось, согласно мифологическим представлениям есть пространство, организованное в виде ряда концентрических областей (сфер, локусов) с возрастающей от периферии к центру сакрально-

стью [3, с. 158–159]. Символизм данного пространства сопряжен с мифологемой пути [12, с. 256–271], пролегающего от периферии к «центру», символизируемого образами горы, храма, дерева и другими эквивалентами Axis Mundi [ось мира. — К. К.] [13, с. 48]. Центральный локус этого пространства может быть представлен всевозможными объектами, в частности, деревьями. Обычно они находятся на горе, т. е. так или иначе включены в предшествующий локус в качестве центральной и максимально сакральной точки. Отметим, что лиственница у Ф. Абрамова возвышается «на отлогом скате горы». Именно в этой пространственной точке возможно «объединение подземной области, поверхности земли и неба» в соответствии с мифологическим видением, что, в свою очередь, является задачей Axis Mundi.

Формой присутствия вышеназванного мотива являются отдельные словосочетания, характеризующиеся повышенной степенью семантической насыщенности. Так, в описании соснового леса у Ф. Абрамова следует выделить «лексические единицы», посредством которых полуреализуется в тексте мотив леса как «храма Природы»: <...> Даже молодой сосняк, хмурый и равнодушный к радостям, как истый северянин, и тот стыдливо топорщился розоватыми свечками, присыпанными белой мукой» [1, с. 79]. В структуре приведенного описания соснового леса обращает на себя внимание словоформа «свечками», в сочетании с другими грамматическими формами образующая развернутую метафору.

Традиционно свеча рассматривается как символ сакральности, восходящий к образу свечи, зажигаемой Богом во имя спасения человеческих жизней. Образ свечи характеризуется высокой степенью семиотичности. Свеча — это знак приобщения к божественному миру; зажженная свеча — это молитва, с которой человек обращается к Богу.

По нашему мнению, правомерно рассматривать образ «света» в тетралогии

«Пряслины» в качестве формы реализации мотива леса как «храма Природы». Образ «света» имеет богословскую подоплеку. В Библии — в книге «Бытие» — написано: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош; и отделил Бог свет от тьмы» [5, с. 1]. Традиционно святые представляли окруженные ореолом — световой каймой, подобной сиянию. Наличие такой световой каймы служило указанием на богоизбранность.

Как уже отмечалось, в языческих представлениях славян деревья обожествлялись, считались священными. Очевидно, что сопровождающий деревья световой поток может быть квалифицирован как неотъемлемый атрибут сакральности. В подтверждение обозначенного суждения находим в третьем романе Ф. Абрамова «Пути-перепутья» следующий эпизод: «<...> Так у пекашинцев испокон веку: уж если довелось тебе забраться в Красный бор, то хоть немного, а покружи в приречном лесу. Грибов да ягод тут, может, много и не наберешь, а на свет белый глянешь повеселее. В любую погоду в Красном бору сухо. И светло. От сосен светло. <...>» [2, с. 134].

При истолковании приведенного эпизода особое внимание обращает конструкция «от сосен светло». Полагаем, что в данной номинативно-безличной конструкции материализуется представление о священности деревьев и соответственно о лесе — пространстве, покрытом деревьями, — как о «храме Природы».

Свет, исходящий от сосен, — это своего рода божественная благодать, ниспосланная людям. Обоснованность данного тезиса очевидна: в этом же эпизоде выделяем утверждение о том, что именно в Красном бору «на свет белый глянешь повеселее». Иными словами, видение света в лесу дает человеку возможность обрести душевную гармонию.

Мировая мифология очень часто представляет лес как пограничную зону между миром мертвых и миром живых, поэтому именно здесь проводились обряды инициа-

ции. «Обряд посвящения производился всегда именно в лесу. Это — постоянная, непрменная черта его по всему миру. Там, где нет леса, детей уводят хотя бы в кустарник» [11, с. 57].

В отношении тетралогии Ф. Абрамова «Пряслины» не представляется возможным выделение собственно указанной семантики макрообраза леса. Однако считаем возможным усматривать в решении этого вопроса отголоски традиции репрезентации леса как «священного места», где совершались обряды инициации.

Исходя из обозначенной позиции целесообразно проанализировать эпизод, в котором Лиза Пряслина предается воспоминаниям об «иных временах», находясь в лесу. Экскурс героини в прошлое показывает, как ее душа проходит через нравственный фильтр — память: «<...> И перво-наперво вспоминался тот день, когда она впервые по этой дороге шагала на Синельгу. С братьями. И она вся трепетала, вся искрилась <...> Вся была ожиданием новой жизни, нового счастья. <...>» [2, с. 377].

Посредством временного перемещения изображаются нравственно-психологические изменения героини. Душа Лизы проходит через такой нравственный фильтр, как вина: «<...> Что случилось теперь со всеми ими? Где та дружная пряслинская семья? <...> И Михаил вечер шумел и топал ногами, — заслужила. Нет ей прощенья! Никакими молитвами, никакими покаяньями не замолить вину перед Степаном Андреяновичем» [2, с. 377]. Учитывая изложенное, полагаем, что такого рода воспоминания следует рассматривать в качестве детерминанты нравственного перелома в сознании героини Ф. Абрамова. При этом отмечаем, что экскурс Лизы Пряслиной в прошлое, с которым связан целый комплекс переживаний, происходит именно под сенью леса, в чем справедливо можно усматривать отзвуки традиции репрезентации леса как «священного места», где совершались обряды инициации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абрамов Ф.* Пряслины: Трилогия. — Л.: Лениздат, 1978.
2. *Абрамов Ф. А.* Пути-перепутья. Дом: Романы. 3-я и 4-я книги тетралогии «Братья и сестры». — Ижевск, 1985.
3. *Агапкина П. П.* Дерево // Славянская мифология. — М., 1985.
4. *Белов В. И.* Избранные произведения: В 3 т. Т. 1. — М., 1984.
5. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. Канонические: Книга «Бытие». — Минск, 1996.
6. *Велецкая Н. Н.* Языческая символика архаических ритуалов. — М., 1978.
7. *Иванов В. В., Соколов М. Н.* Лес // Мифы народов мира. Т. 2. — М., 1995.
8. *Ланге Е. В.* Творчество П. Карпова в контексте литературно-эстетических и религиозно-философских исканий XX в.: Дис. ... канд. филол. наук: [Электронный ресурс]. — Череповец, 2005.
9. *Новожеева И. В.* Концепция человека в деревенской прозе 1960–1980-х годов. — Брянск, 2007.
10. *Полонский А. В.* Русский язык между «лесом» и «степью» // Вестник Евразии. 2006. №1.
11. *Пропп В. Я.* Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.
12. *Топоров В. Н.* Модель мира // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. Т. 2. — М., 1992.
13. *Элиаде М.* Аспекты мифа: Пер. с фр. — М., 2000.

REFERENCES

1. *Abramov F.* Prjasliny: Trilogija. — L.: Lenizdat, 1978.
2. *Abramov F. A.* Puti-pereput'ja. Dom: Romany. 3-ja i 4-ja knigi tetralogii «Brat'ja i sestry». — Izhevsk, 1985.
3. *Agapkina P. P.* Derevo // Slavjanskaja mifologija. M., 1985.
4. *Belov V. I.* Izbrannye proizvedenija: V 3 t. T. 1. M., 1984.
5. Biblija: Knigi svjawnennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie: Kniga «Bytie». — Minsk, 1996.
6. *Veleckaja N. N.* Jazycheskaja simbolika arhaicheskikh ritualov. — M., 1978.
7. *Ivanov V. V., Sokolov M. N.* Les // Mify narodov mira. T. 2. — M., 1995.
8. *Lange E. V.* Tvorchestvo P. Karpova v kontekste literaturno-jesteticheskikh i religiozno-filosofskih iskanij XX veka: Dis. ... kand. filol. nauk: [Jelektronnyj resurs]. — Cherepovec, 2005.
9. *Novozheeva I. V.* Konceptcija cheloveka v derevenskoj proze 1960–1980-h godov. — Brjansk, 2007.
10. *Polonskij A. V.* Russkij jazyk mezhdru «lesom» i «step'ju» // Vestnik Evrazii. 2006. №1.
11. *Propp V. JA.* Istoricheskie korni volshebnoj skazki. — L., 1986.
12. *Toporov V. N.* Model' mira // Mify narodov mira: JEnciklopedija: V 2 t. T. 2. — M., 1992.
13. *Jeliade M.* Aspekty mifa: Per. s fr. — M., 2000.